

АННА ВЛАДИМИРОВА

ОБЕЩАННАЯ МЕДВЕДЮ

ЗАМУЖ ЗА

Монстра

Анна Владимировна
Обещанная медведю.
Замуж за монстра
Серия «Обещанная»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71545555

Аннотация

– Ну привет, Ринка, – усмехнулся он, жадно разглядывая меня, прилипшую к дверям лифта.

– Привет, Миша, – хрипло выдавила я, не в силах скрыть дрожь.

– Ну и что же ты... – Он сделал последний разделявший нас шаг и оказался вплотную, – деру даешь? Такой страшный?

– Да, – выдохнула я еле слышно.

– Не любишь больше? – всмотрелся он в мои глаза.

Голод. Тоска. Злость... Столько злости, что меня уже ничто не спасет. Добегалась.

– Нет, – подписала себе приговор.

Он резко втянул воздух, мешая медленный выдох с рычанием.

– Куда собралась? – потребовал жестко, выпрямляясь.

– Это мое дело.

– Ошибаешься, дорогая. – Он схватил меня за шею и притянул к своему лицу. – Теперь мое...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	16
Глава 2	39
Глава 3	57
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Анна Владимировна Обещанная медведю. Замуж за монстра

Пролог

Ж

За окном автомобиля лил дождь. Свет фар встречных машин больно бил по глазам, и я жмурилась на россыпь капель на стекле, переливавшихся от яркого света. Кожа шеи горела от царапин, которые оставил Стерегов, вытаскивая меня из холла гостиницы. Теперь он сидел на переднем сиденье, сгорбленный в напряженной позе, и всматривался вперед. Водитель его тоже безмолвствовал.

Когда мы оказались с Михаилом на улице, я не увидела никого, кто помог ему меня найти и сделать беспомощной, заперев дар ошейником. Только машина ждала у фасада. Водитель открыл передо мной двери, и Стерегов швырнул меня в салон.

Ненавидел...

Я чувствовала это всем своим существом. Кожа словно

остывала от невозможности пользоваться силой, пальцы еще покалывало, но они стремительно коченели от холода. И моя уверенность в себе гасла. Я беспомощна теперь перед этим монстром...

Бессильна.

Мне хотелось напомнить себе, что еще час назад меня уже ничто не пугало. Все было под контролем. Но неизвестность, которую гарантировал мне Стерегов, кидала в дрожь. Хотелось потребовать у него ответа на вопрос: что он собирается сделать? убить? или сначала помучить? Но я молчала, ежась в комок и пытаюсь согреться.

Да, я бросила его, хотя когда-то давала согласие ему принадлежать. Не явилась, не подчинилась законному требованию оборотня вернуться, подписав себе смертный приговор. И он вправе сейчас меня за это разорвать...

Как же горько...

Мы когда-то мечтали о свободе... Только она оказалась никому не нужна, а мы – жестоко наказаны за мечты. Михаил стал одним из самых опасных и влиятельных мужчин моего мира. Его боялись и ненавидели все: и ведьмаки, и оборотни. Я же поняла, что оказалась неудачницей. Училась как проклятая, осваивала медицинские профессии, пытаюсь быть отличницей во всем. Но так и не поняла, чего хочу от жизни...

Погруженная в свои мысли, я не сразу поняла, что мы въехали в частный сектор ну с очень нескромными домами. Ма-

шина плавно скользила по освещенным улицами еще некоторое время и остановилась около высокого забора перед отдаленным домом. Я пялила глаза на двор, пока ворота плавно закрывались за автомобилем, но уже через пару вдохов забыла обо всем. Куда делся водитель – даже не заметила. Стерегов открыл заднюю дверь и приказал глухо:

– Выходи.

Но когда я попыталась выбраться сама, подхватил под руку и вытащил из салона рывком. На ступенях крыльца я упала, больно ударившись коленками, но он словно не заметил – открыл входную дверь и втолкнул меня внутрь. А когда я уперлась, снова схватил за горло и прижал к себе спиной:

– Прости, красную дорожку не нашел, – процедил мне в затылок и неожиданно зарылся в волосы, шумно вдыхая. – Ты пахнешь маслом... растворителем... и продолжаешь грызть головки деревянных кистей...

Он скользнул подушечками пальцев по моим губам, а я, дрожа, прикрыла глаза. Когда мне отрезали все пути к отступлению, стало по-настоящему страшно. И во всем этом ужасе его слова и касания казались очередной иллюзией, пустой надеждой на то, что он может простить.

Стерегов отстранился, выпуская, и я едва не сползла на пол.

– А стиль работы ты изменила отлично! – Он обошел меня и направился куда-то через холл. – Я и не догадался, хотя мозги сломал смотреть на эту твою картину со свечей...

А я осталась стоять, вспоминая, как рисовала первую картину для него. Мне казалось, этот мужчина зацепится за любой намек – за стиль, за мимолетный запах, за ритм шагов... Все картины для Стерегова я писала правой рукой. И хоть это было ужасно сложно – сработало. Он получил препарат, спрятанный внутри, и схватился за возможность себя спасти. А мне повезло остаться неузнанной.

– Мне ужин и вино туда подать? Или все же снизойдешь до гостинной?

Я тяжело сглотнула и направилась к Стерегову. Ошейник перестал холодить кожу. Вскинув к нему руку, я не почувствовала ничего. Он остался лишь заклинанием.

Я прошла через мрачный холл и оказалась в гостинной. На столе свечи, вино... будто у нас свидание.

– Зачем я тебе? – прошептала, почувствовав его позади.

– У меня прямо злой рок – подбирать женщин за Тахи-ром, – усмехнулся он и сунул мне в руки вскрытое письмо, которое я собиралась отправить единственному мужчине, казавшемуся мечтой.

– У меня ничего не было с Тахи-ром, – зачем-то начала оправдываться, сминая письмо.

– Охотно верю, – Михаил уселся на стул передо мной. – Он, в отличие от тебя, шлюхи, верный.

– Да пошел ты! – прошипела я.

– Я и пошел, – холодно согласился он. – Но, как видишь, вернулся. За тобой. А ты? Зачем подкидывала мне препара-

ты? Подставить хотела?..

Я застыла, тяжело сглатывая. Смотреть в его глаза стало больно. Грудную клетку жгло, душу будто драли когтями в ключья... И по щекам покатались слезы.

– ...И что это значит? – раздраженно потребовал он. – Это ты украла последнюю вакцину?

– Ты же мне не поверишь, – шмыгнула я носом.

– Отвечай на вопросы! – угрожающе процедил он.

– Нет. Не я.

– А кто – знаешь? – через небольшую паузу потребовал он.

– Нет.

– Ринка, я скажу только один раз, но, думаю, ты это и так понимаешь. Ты у меня девочка неглупая. – В его глазах сверкнули темные искры. – Будешь врать, вести какую-то свою игру за моей спиной и морочить голову – я тебя убью. Тебе ясно?

– Мне неясно, зачем я здесь... – начала было я говорить.

Но он оборвал:

– Отвечай на вопрос!

– Ясно.

– А на свой вопрос правда не знаешь ответа? – насмешливо спросил.

– Десять лет прошло, – неуверенно выдавила я.

– Ты обещала мне себя, – замер он, уставившись на меня в упор, и показалось, будто вот-вот обернется монстром. –

Отдалась, приняла метку и бросила умирать от неуголимого голода по тебе... Вот так прошли мои десять лет. А твои?..

Я отшатнулась, но он молниеносно взвился и схватил за затылок, притягивая к себе:

– ...Есть будешь? – прорычал в губы хрипло. – В следующий раз я спрошу нескоро.

– Миш, не надо, – проблеяла я, задыхаясь от его близости.

– Чего не надо? – сдвинул он сурово брови и кивнул на смятый листок в моей руке. – А что надо? Отпустить тебя на казнь Высших, куда ты сегодня собралась? – И он поднялся рывком, швырнув стул в стену с такой силой, что он с грохотом разлетелся вдребезги. – Ты совсем дура, Ринка?! Это весь смысл, который ты нашла за десять лет жизни?! Тахира, которому даром не далась, и меня, которому твои предпринимчивые идеи ни черта бы не помогли без тебя самой? – И он врезал кулаком в стену, в которую секундой раньше вжал меня. – Идиотка!

И снова его когти оцарапали кожу на шее, а сам он прожег меня горящим взглядом, сжимая пальцы на горле. Я схватилась обеими руками за его запястье, но он вдруг выпустил и тут же подхватил меня на руки. Я вцепилась в его плечи и прижалась к нему всем телом. Сил не стало. Бежать, что-то объяснять, бояться... Я сама коснулась лбом его скулы, с чего-то решив, что мне можно. Губы оцарапало короткой щетиной, когда он в ответ на этот мой порыв сжал зубы. Но одергивать не стал.

Он быстро поднялся со мной по лестнице и внес в какую-то темную комнату. Из его груди рвалось нетерпеливое рычание, пальцы больно впивались мне в ребра, а тяжелое дыхание говорило о том, что терпит он из последних сил... Но и они скоро кончились, и Стерегов бросил меня на большую кровать и рывком стянул пиджак. Когда он отвернулся и распахнул рубашку, я попятилась к изголовью.

– Хочешь посмотреть, в кого ты меня превратила? – по-лоубернулся, скалясь. – Ты и те, на кого теперь работаешь... Мало тебе было, но ты что?.. Решила добить?

– Ты знаешь, что это не так! – задыхалась я.

– Я не знаю! – рыкнул он и выдохнул шумно, по-звериному.

– Миш... не н-н-надо... – распахнула я в ужасе глаза.

– Я хочу, чтобы ты поняла... Ты, твою мать, которая смотрит на меня, хлопая невинными глазами, и говорит мне «нет»!

И он запрокинул голову, рыча и молниеносно обращаясь. А я вскрикнула, глядя во все глаза на жуткое чудовище, стоявшее посреди спальни. Было темно, и от этого еще страшнее. Я видела его силуэт, едва ли не упиравшийся в высокий потолок, чувствовала жар его тела, видела жуткий блеск звериных глаз и слышала низкое утробное рычание.

Да, мать с ее командой постарались – Стерегов во второй ипостаси стал машиной для убийства. Неуправляемой, яростной и беспощадной. Только он каким-то чудом научил-

ся оставаться в себе, будучи в ипостаси, даже после всех издевательств.

– Проси прощения... – процедил он сквозь зубы едва различимо. Но я поняла его. – Раздевайся! И проси!..

Меня подбросило на кровати, руки затряслись, пальцы взмокли... Я кое-как потянула с себя кофту через голову, стараясь быстрее от нее избавиться. Нервы звенели от натяжения и угрожали порваться каждую секунду. Сегодняшнее решение показалось таким глупым, что хотелось выть! Действительно идиотка. Как я собиралась сдать властям, если мне гарантирован смертный приговор? Как мне это вообще в голову пришло?

Чтобы избавиться от джинсов, пришлось сползти на пол. Чудовище дышало хрипло и пристально следило за моим жалким стриптизом, пока я пыталась стянуть узкие джинсы с взмокших бедер. Потом заползла на кровать и села перед Михаилом на коленки.

– Прости, – прошептала, дрожа.

Стерегов ходил туда-сюда по кромке света на полу, будто не решаясь ступить за его пределы.

– Ты помнишь, что я сказал тебе о лжи? – недовольно рыкнул он. – Убью за нее!

– Ты приказал просить прощения! – вскричала я в отчаянии.

– И что? Ты правда сожалеешь?! – Низкий голос пробрался под кожу, а зверь встал напротив, опустив голову. – Что

же ты, Ринка, такая смелая была там, в больнице? Строила меня вдоль стеночки, прикрываясь колдовством! А без него что же? Где твоя смелость?! Уже и умирать, смотрю, страшно стало, да?

– Да!

По щекам снова покатались слезы, и я разрыдалась. Жалко, унижено... Мне казалось, что я сильная, самодостаточная, умная и изворотливая. Но Стерегов с легкостью доказал, что я – никто. И гожусь лишь для одного...

– Страшно перестать быть отличницей по жизни, – прозвучал его уже обычный голос из полумрака. – Только поэтому ты решила, что стоит закончить свою звездную карьеру неуловимой преступницы и великомученицы с громким скандалом. Но к этому прилагается настоящая боль, Ринка, о которой ты не имеешь ни малейшего понятия...

Как же он прав... Я послушно оцепенела, когда Михаил приблизился и, запустив пальцы мне в волосы, притянул к себе. Он задержался на моем лице взглядом, будто искал что-то помимо того, что видел, а мне до жжения под ребрами захотелось, чтобы он нашел повод меня оправдать. Я едва не сложила дрожащими губами униженное «пожалуйста», как он вдруг набросился на них, сминая звериным голодным поцелуем... И меня будто швырнуло в утробу смерча. Время то бросалось вперед до звона в ушах, то останавливалось так резко, что сердце соскакивало с ритма. Взгляд Михаила то и дело приводил в чувства, но его жесткий напор топил

в страхе.

С каждой секундой я осознавала, что он не собирается меня убивать. И первый поцелуй не был прощальным. Он толкнул меня на спину, вжимая в кровать, содрал белье с глухим треском и неожиданно нежно поцеловал. Будто дал волю чему-то мимолетному, напомнившему о нашем первом разе... но тут же разметал это все в клочья, сжав пальцы на моем горле в который раз.

Голод...

Злость...

Один требовал утоления, вторая разрешала не жалеть.

И все же он жалел. Усадил меня себе на колени, сжав пальцы в волосах сильнее, и с трепетом коснулся губами груди. Рваный вдох, решительный выдох чередовались друг за другом, не позволяя зацепиться за реальность.

Чего ждать?

Только вскоре и этот вопрос выцвел на фоне его беспощадных ответов. Его ладони, пальцы, губы... Он будто распял меня между ними. Я вскрикивала и хваталась то за простынь, то за его руки, пытаясь отбиться, вздохнуть, остаться собой. Но такую убийственную ласку сложно было пережить. Михаил не спрашивал и не церемонился – брал сразу, будто я вся и всегда принадлежала только ему.

Когда он жестко вздернул меня на колени, я решила, что сейчас отымеет по-животному безжалостно, а он вдруг трепетно огладил бедра... но через секунду ягодицу обожгло

жгучим вкусом. Я вскрикнула и дернулась в панике, неожиданно осознавая, что он уже жарко ласкает меня губами между бедер. И не вырваться, не вздохнуть. Грудь ходила ходунком, а в горле уже дрожало от хриплого стога. Я звала его по имени, чтобы не потеряться окончательно... но ни черта не вышло.

Вскоре я уже не понимала, кто я. Кто эта взмокшая и одуревшая от оргазмов послушная шлюха? Хотя какая из меня шлюха? Я только и делала, что сжимала до боли простынь, скуля и постанывая.

Михаил вроде бы и давал право голоса...

...только тот уже охрип.

– Не надо! – сипло вскрикнула я, когда он размазал мою влагу по пояснице. – Не надо... Я не могу... больше...

В затылок упруго ткнулся его горячий выдох, а на горло уже привычно легли его пальцы.

– Быстро ты сдаешься, – усмехнулся он, тяжело дыша, а между ног уперся его член. От его первого движения я дернулась, но он лишь сжал горло сильнее. Его дыхание потяжелело, стало хриплым. – А знаешь, кто меня тебе сдал? – Я раскрыла рот, извиваясь и пытаюсь ослабить его давление. – Тахир.

Я замерла, задержав дыхание, и он вжался в меня до упора. Больно стало везде – внутри, снаружи... А в мыслях передо мной вдруг оказался Тахир. Я попробовала зацепиться за его взгляд, оставшийся в памяти... только он вдруг оскалил-

ся мне так же по-звериному, и я зажмурилась. Тело взмокло, лоно сжалось, и Стерегов зарычал. А следом впился зубами в шею, не жалея. Из глаз брызнули слезы, сердце забилося в горле, и по шее скатилась горячая капля...

А дальше мне отказали все чувства разом. Я замерла в ожидании, когда все это кончится, и, кажется... вскоре мне позволили рухнуть на постель без сознания.

Глава 1

М

Я всегда знал, что миру на меня плевать. Впрочем, как и на всех. Это когда тебе есть что пожрать и где выспаться кажется, что заслужил чью-то благосклонность... Но это не так.

Вот и сегодня...

Я стоял у окна и смотрел на равнодушный мир. Такой же, как и всегда. Ничто его не трогало. Ни смерть, ни мучения... Как и меня.

До недавнего времени.

Давно я не испытывал эмоций. До появления Марины мне вообще перестали быть доступны страх за кого-то, восхищение, трепет надежды... А еще – настоящее желание, от которого тлеет тело и трещит выдержка.

Когда теряешь ту единственную, которую видел рядом с собой на всю жизнь, все эти чувства будто загнивают, рождая какие-то извращенные потребности. Только сколько их ни утоляй – насытиться невозможно...

Поверил ли я в то, что сегодня произошло?

Я медленно обернулся и снова взглянул на изможден-

ную ведьму в моей постели. На темных простынях она казалась белым пятном, и только ярко-красные волосы искрились в скудном свете окна. Контрасты, режущие взгляд. Сложно было поверить, что она – та самая женщина, по которой я сходил с ума. Или страшно?

Ринка изменилась. Повзрослела, овладела силой и приобрела множество других качеств, которые я бы у нее с удовольствием изъяс. Эта ее смелость и уверенность в безнаказанности повергала в бешенство. Думала, что сможет у меня под носом пройти незамеченной, еще и приказывать, как дрессированному?

И ведь права оказалась – смогла. Лапы чесались с нее за это кожу содрать!

Но это лишь часть того, что я испытывал.

Все мои симпатии к Марине выцвели на фоне сумасшествия, которое охватило пожаром, стоило моей ведьме угодить мне в лапы. Ринка еще и выглядела так, что хотелось сожрать без жалости. И при мысли о том, что все эти годы она была с кем-то, рассудок затягивало кровавым туманом. Дать зверю волю – и мы встретим с ней рассвет за медленным выпытыванием имени того, кого она предпочла мне. Тахир не в счет.

Я тяжело вздохнул и снова отвернулся в окно. Даже таблетки не помогали, хоть я и превысил все допустимые дозы, лишь бы не отшлепать ведьму по щекам и не заставить снова кричать подо мной.

Не любит, сука...

Вот как ее не убить за все?

Единственное, что ее продолжало оправдывать – я убил ее родителей. Когда Ринку у меня забрали после нашей первой ночи, я обезумел. Помню, как просил эту стерву, ее мать, вернуть мне мою избранную, но она только смотрела на меня холодными жабыми глазами и даже не снисходила до ответа. Как она вообще могла быть ее матерью? Мне всегда казалось, что эта тварь уже давно мертва, и я лишь упокоил ее ходячий труп. А отца я даже не помню – все смешалось в бойне: крики, кровь... и боль. Много боли... Я тогда думал, что не выберусь. Но каким-то чудом уцелел. Будто миру вдруг стало не все равно...

Я решительно оттолкнулся от окна и направился вниз – хватит себя изводить запахами. Главное – у меня есть надежда, что когда ведьма снова заговорит, я не заткну ей рот через слово и не верну в постель. Хотелось сбросить с себя это оцепенение, и я принял душ, потом направился в кухню.

А там уже ждал нервный мобильник.

– Миш, твою мать! – рявкнул в трубке Иса. – Я только узнал!

– И? – спросил я устало, хмуро глядя на неторопливую струю кофе.

– Ты серьезно сейчас? – усмехнулся друг. – Ринка? Правда она?

– Правда, – хрипло ответил я и прикрыл глаза. – Ты где?

– Пока что я тут задаю вопросы, – недовольно огрызнулся он.

Да, ему можно. Потому что только благодаря ему я уцелел в ночь побега. Иса был таким же подопытным, как и я, только мы не виделись с ним раньше. Он был особенным. Полуведьмак-полужверь, которого пытались изучать и заставить размножаться в том же качестве. А когда я устроил разнос, он извернулся сбежать сам и еще одного оборотня прихватить. Тогда им повезло больше. А мне повезло с ними обоими. Сам бы я ноги не унес. И теперь Иса беззастенчиво пользовался той привязанностью, на которую я остался способен.

– Как она?

Я тряхнул головой, напряженно выдыхая.

– Слушай, я поэтому и звоню – может, тебе помощь нужна? Я же знаю...

– Я знаю, что ты знаешь, – перебил его нетерпеливо. – Я в норме. Ринка отрубилась после метки. Я вымыл ее и уложил спать. Даже не задушил. Так что все прозаично.

– Хреновый из тебя прозаик.

– Спасибо за диагноз. Но не время теревить мне нервы.

– Прости, но я хотел предупредить, что Сааг недоволен, – сообщил он нехотя.

Слышал – он куда-то шел.

– Сааг? Ему какое дело?

– Не знаю. И Харук Хан мрачнее обычного. Но он же тебе и помог...

Оба ведьмака – важные союзники. Илья Сааг – ведьмак со связями. Колдун из него так себе, а вот он умел как никто другой находить способы провернуть любое дело и справиться с любой задачей. Но характер у него был полное дерьмо.

Харук Хан... Про него сложно говорить, красноречивей всего промолчать. Очень сильный и опасный ведьмак. Мало кто представлял, на что он на самом деле способен. Ринку он нашел молниеносно – я только и успел что выйти из гостиницы, как получил адрес. И обезвредил ее тоже Харук. Доверял ли я ему? Да. Потому что он мне должен. И то, что он там чем-то недоволен, никогда не поставит выше наших договоренностей.

– Да, он помог, – задумчиво протянул я. Ведьмаки не беспокоили, а вот о том, что Иса, возможно, и сам бы не хуже справился, подумалось с запозданием. Но я позвонил Хану. – Ну пригласи на встречу Илью. Обсудим, что его не устраивает.

– Может, я...

– Не надо. Я справлюсь. Лучшего времени в ближайшем будущем все равно не будет, а они должны быть уверены, что я в себе.

– Ладно.

– Сегодня днем.

Я отбил звонок и тяжело оперся на столешницу. Чувствовал себя вымотанным настолько, что хотелось... завалиться на кровать и прижать к себе чертову ведьму. Аж руки дрожа-

ли. Кофе с душем не очень помогли. Стало жарко, и я опустился на холодный каменный пол в гостиной и растянулся на нем, запрокинув голову. Бывало такое. При сильных нервных встрясках особенно. Или после убийства... Будто лишь тело могло еще чувствовать в полной мере, тогда как в душе чаще всего царило равнодушие.

Но не сегодня.

Сегодня мне было хреново внутри и снаружи.

С одной стороны, ну а как еще могло случиться присвоение? С цветами и вином?

Я тихо рассмеялся.

С другой, Ринка не заслуживала этого. Я убил ее родителей. То, что она испытывает ко мне лишь страх – нормально. Так и должно быть. Была ли ее жизнь счастливой до меня? Непохоже. А была ли надежда на будущее? Тоже нет. Письмо красноречиво об этом говорит.

Тем временем холод пробирался все глубже в тело, сердце успокаивалось, жар уходил. Я дышал все спокойней. Вскоре мысли стихли, остались лишь воспоминания о прошлой ночи...

* * *

Ж

Я пробовала проснуться несколько раз, но глаза слипались, и я снова проваливалась в сон. Понятия не имела, с какой попытки мне это удалось. За окном светло, вокруг тишина. И запах Стерегова повсюду.

Я перевернулась на живот и застонала. Тело болело, голову не повернуть, а во рту пересохло так, что я закашлялась. Бегло оглянувшись, обнаружила стакан воды на тумбочке и бросилась жадно пить. Сколько же я проспала? А где мой рюкзак? И что мне вообще теперь делать?

Шея заныла немым ответом. Что тут поделаешь? Попробовать дать деру от Стерегова без ведьминой силы? Бесплезно. Он устанет меня возвращать живой и в конце концов прибьет.

Лениво допивая воду, я вдруг осознала, что размышляю обо всем произошедшем довольно хладнокровно, а ведь вчера чувствовала себя так, будто медведь порвал меня насквозь – тело, душу. При воспоминании о прошлой ночи по коже прошла волна озноба, и я едва не вернулась под одеяло. Стерегову я, кажется, пока больше не нужна, а он мне – тем

более...

Губы сжались от обиды, захотелось запустить стакан в стенку.

«Не любишь больше?»

Взгляд застыл на темном проеме открытой двери.

Не люблю?

Нет. Это не любовь. Мои чувства к нему похожи на уродливое дерево, выжженное когда-то от удара молнии. Оно застыло так, как цвело за день до этого. Мертвое или живое – откуда мне знать? Я предпочитаю не вспоминать, что оно где-то еще есть. Сил вырвать его с корнем у меня нет.

Когда-то я безумно любила. Так, что была готова отдать за него жизнь. Я ненавидела ведов, которые делали ему больно и с которыми невозможно было бороться. Я росла в этой ненависти. Мишка это видел и старался отвлечь. Мы вместе рисовали, сидя по разные стороны решетки. Я нередко ломала кисточки, замечая под его футболкой новые заплатки.

Мама говорила, что такие эксперименты – необходимость; что это жестоко, но кто-то должен обеспечить безопасное будущее; что оборотни опасны, и нам нужно быть готовыми, если снова начнется война. История векового противостояния между зверями и ведами преподается целый семестр на любом факультете. Но зачем мне эта история, если глаза Михаила напротив говорили обратное?

– У меня для тебя сегодня новое задание, – встретил он

меня у прутьев с холстом.

А я вцепилась в него так, что решетка между нами накалилась.

— Ринка, ну что ты? Тише, девочка, тише... — Он прижался губами к моему лбу, а я зашлась рыданиями.

Отчетливо помню то отчаяние, с которым мне захотелось выдрать его из этого места. И другого смысла в моей жизни не стало...

Сейчас в его глазах я видела что-то, чего не в силах понять. А может, мне было страшно. Только Стерегов не предложил ничего обсудить. Ему это не нужно. Оборотни вообще редко спрашивают, чего хотят их женщины. Михаилу не нужен ответ. Скажи я ему вчера «да», он бы все равно не поверил и сделал то же самое.

Тишина начинала нервировать. Может, Стерегов уехал? Оглядевшись, я не нашла одежды и беззастенчиво направилась из спальни голяком. Не мои проблемы, что мне не во что одеться. А если он оставил меня с охраной — тем более плевать. Пусть быстрее осознает, что я не планирую прожить остаток жизни в его спальне. Ну, разве что эта жизнь планируется очень короткой.

Я добросовестно поискала поблизости гардеробную с целью откопать в ней хотя бы футболку. Но мне не повезло.

В доме было все так же тихо. Стопы неприятно жег хо-

лодный камень, пока я спускалась вниз. Взгляд зацепился за стенку над лестницей, и я замерла, встретив среди прочих картин мою. Но не ту, которую рисовала ему для передачи препарата.

Эту картину мы рисовали вместе много лет назад, передавая ее друг другу через некоторое время... Много синего неба, городских улиц, зажженных фонарей и нас. Я рисовала его, он – меня.

Я оперлась на перила и съежилась. Захотелось накрыться одеялом, чтобы ни с кем не разделить этих эмоций и не выглядеть ободранной. По щекам катились слезы, пока я следовала взглядом по картине, вспоминая каждый день, что я над ней работала.

Наверное, после нее я поняла, что влюблена в Мишу по уши.

Отвернувшись, я бросила взгляд вниз и увидела Стерегова на полу в гостиной. Он лежал, запрокинув голову и раскинув руки, будто его убили. И я, вытерев слезы, бросилась по ступеням к нему. Когда опустилась рядом с ним, мои руки уже окоченели и тряслись, но я принялась искать признаки жизни. Только страх охватил такой, что я даже чувствуя биение его пульса, интерпретировать это в разумный вывод не могла.

– Раз, два, три... – принялась считать, тяжело дыша, чтобы хоть как-то прикинуть частоту, когда Михаил вдруг накрыл мою ладонь своей и вздохнул глубже. – Какого черта?!

– Не ори, – хрипло выдохнул он, поворачивая ко мне голову.

Но одернуть руку не дал – наоборот, сцапал меня и усадил на себя.

– Я думала, ты умер! – сипло воскликнула я, и не подумав сопротивляться.

Он хрипло рассмеялся:

– Многие мечтают, чтобы я так просто умер.

– Зачем ты тогда тут выглядишь мертвым? – уперлась я растеряннo в его грудь.

– Видимо, охочусь на ведьму. – Стерегов сжал пальцы в моих волосах, быстро напоминая, что мое основное место теперь – на его члене.

Я попробовала соорудить равнодушие, пока он медленно толкался в меня, но сдалась почти сразу. Михаил при этом так смотрел в глаза, что я зажмурилась, не в силах выдержать ни его внимания, ни напора. Я даже не почувствовала, когда он выпустил меня и обхватил бедра. С первых движений я уже послушно выгибалась, вплетаясь в его ритм. Когда он сел со мной и приподнял свои бедра, усиливая ощущения, тишина его логова взорвалась от моего стога.

Голод охватил нас обоих. Приятно чувствовать, что тоже способна пользоваться медведем. И пусть это удовольствие не заполнит пустоты внутри, мне стало легче, когда вцепилась ноготками ему в волосы и прикусила губу. По небу разлился металлический привкус, и это последнее, что я отметила

холодным разумом.

Стерегов быстро перенял инициативу, вскинул меня на руки и вжал животом в кресло. Все, что я теперь могла – царапать кожаную обивку и сжиматься внутри от его напора. Голос охрип, спина взмокла, а в ушах звенело от хлесткой пульсации наших тел, бьющихся друг о друга. Я нелепо засучила ногами по полу в предвкушении разрядки и едва ли не благодарно выгнулась, когда он схватил меня за горло. И мир разлетелся в водную пыль, оставив меня в невесомости. Ни тяжести воспоминаний, ни стыда, ни сомнений... как же хорошо может быть все же. Только не у меня. Я пришла в себя все еще прижатая к Стерегову. Его тело тоже дрожало, а сам он сжимал пальцы на моем горле, но не душил – притягивал к себе, не давая пошевелиться. Горячее дыхание оборотня опаляло затылок, и я привычно замерла загнанной жертвой, позабыв о том, как было хорошо вот только что. Мокрые ладони заскользили на его запястье, но он проигнорировал, тяжело дыша.

– Пусти, – просипела я, не готовая к тому, что он сразу послушает. Без его опоры я сползла по спинке кресла на дрожащих ногах. – И перестань в меня кончать!

– Ты считаешь, что можешь продолжать меня воспитывать? – усмехнулся он и обошел меня, направляясь наверх.

Я беспомощно проследила за ним, давась воздухом и потирая шею. Нет, она не болела больше. Горло сжалось от обиды и пренебрежения. Хотелось кинуться за Стереговым, со-

рвать портрет со стенки и разбить у него на голове.

– Ты трус, Стерегов! – бросила я ему в спину.

– Да, Ринка, да, – не повелся он и скрылся где-то в глубине этажа, а я сползла на пол за кресло и съежилась, подтянув колени к груди.

Как же больно от его равнодушия... Когда-то он был всем моим миром. И пусть все это осталось далеко в прошлом, оно продолжало поддерживать, давать смысл... Только теперь, глядя на все, что происходило между нами, я начала терять опору. Голова закружилась, ноги будто провалились в желе, и я испуганно раскрыла глаза, тяжело дыша.

Не знаю, сколько времени так просидела. Все хотела встать, выпятить груди, пойти к Стерегову и потребовать одежду... но не хватало сил. Его безразличие убивало. Я терялась, распадалась на части и пылала от гнева, еле сдерживаясь, чтобы не удариться в банальную женскую истерику.

– Что такое? – прозвучало вдруг задумчивое рядом, и я вскрикнула, закрывая лицо ладонями.

– Я все пытаюсь проглотить тот факт, что ты сделал из меня шлюху, – прошептала.

В глазах зашипало от подступивших слез, но я невероятным усилием перетерпела жгучий спазм и посмотрела на Стерегова. Он сидел рядом на корточках, задумчиво хмуясь.

– Я не делал из тебя шлюху. Я сделал тебя своей избранной.

– Я – не твоя избранная.

– Ты всегда все знаешь лучше, – усмехнулся он, недобро щурясь. – Хочешь со мной поспорить? Только спорить тут не о чем – мы не заслужили с тобой другого шанса, кроме вот такого.

– Правда хочешь сейчас завести от меня детей? Ничего глупее мы сделать уже не сможем.

– Пожалуй, – подтвердил он с горечью в голосе. – Завтракать будешь?

Я отвернулась:

– Мне нужно в больницу. Иначе все самое глупое случится, учитывая мое везение...

– Правда? – вкрадчиво потребовал он. – То, что ты у меня, а не в камере под следствием, считаешь неудачным стечением обстоятельств?

– Я не хочу умирать, ты прав, – мотнула я головой. – Только жить так тоже не хочу.

– Хорошо. Так чего же ты хочешь?

Я замерла, тяжело дыша, но не выдержала его взгляда.

– Я... – пыталась выдавить нечто простое до тех пор, пока с губ не сорвался смешок. – Не знаю...

И это признание парализовало. Я растерянно пялилась перед собой, широко раскрыв глаза. Стерегов молчал. Но недолго:

– Вставай, хватит сидеть задницей на холодном полу. – Он поднялся и замер в ожидании. Я не стала выделываться.

Пока я разберусь, что мне делать дальше, у Стерегова есть хоть какой-то план. — В ванной полотенца и одежда. Пока мужская, уж прости. Твою вернут из прачечной к обеду.

— А что в обед? — поднялась я.

— А что ты хочешь? — усмехнулся. И, не получив ответа, кивнул мне в сторону лестницы. — Иди подумай. Жду к завтраку.

Я знала, что он продолжал смотреть. Между лопаток пекло все сильнее, пока я не скрылась от его взгляда за дверью ванной.

* * *

М

Я все пытался понять, что же изменилось. Ринка вроде бы и в руках, но утекала сквозь пальцы обжигающим огнем. А ведь когда-то даже прутья клетки не мешали мне любить и чувствовать ее всю. Внешне такая, что взгляд не оторвать — фигура, волосы, глаза... Но внутри — излом на изломе. Она как ослепшая крыса, прожившая в подвале всю жизнь и не видевшая мира. Ее глаза атрофировались, а заставить ее смотреть кажется невозможным. У девочки кончился смысл жизни. Тахир ушел к другой, и она осталась

ненужной – некого стало спасать.

И дом мой звучал все так же глухо...

Если бы не мобильный.

Я не спеша направился в кухню и глянул на экран аппарата. Незнакомый. Все интереснее. Незнакомцы мне звонить не могли. Но сегодня возможно всякое.

– И кто ты? – поинтересовался я, ответив на звонок.

– Артур Серый. Приветствую.

Вот как. Сам Серый по мою душу с утра. Я знал, что он за мной гоняется. Его интерес даже делал честь, хотя Харук Хан не любил противостоять ему – слишком много силы приходилось тратить. В одиночку даже не старался, подключал всех – своего сына Дзери и Ису. Хотя мне казалось, что больше натаскивал их на серьезное сопротивление.

– Какая честь...

– Как Катя? – проигнорировал он мой сарказм.

– Это вы бы мне рассказали...

– Что ты хочешь знать?

– Как ты довел ее до самоубийства.

Он помолчал.

– Я был непростительно невнимателен, – отчеканил наконец.

– Трогательно, – поморщился я. – Ей плохо. Как и положено после ночи со мной против воли. Или ты думал, что у нас тут радость воссоединения?

– Я понимаю, ты имеешь право злиться, – задумчиво ото-

звался он. – Но на меня выплескивать злость бесполезно. Ничего уже не изменишь.

– Это ты науськал Тахира сдать мне Ринку?

– Я решил, что тебе должно быть не все равно.

– Мне не все равно! – разозлился я. – Я бы воскресил всю твою семейку и снова похоронил!

– Понимаю. Теперь. Я не знал, что ты – тот самый оборотень, которого любила Катя в юности. И очень сожалею об этом.

– А что бы изменилось, вед? У тебя есть обязанности перед своими.

– Все бы изменилось, Михаил. Но сейчас я звоню узнать, позволишь ли встречаться с Катей?

– Не наглей, Артур. Я не планирую пока что дружбу с ведьмаками.

– Зря. Потому что Катя – моя наследница. И то, что я обычно в пыли и грязи, не уменьшает моего веса в обществе Высших. Я не намерен тебя прятать. И позволить тебе ее от меня скрывать – тоже. Она заслуживает большего.

– И что же это «большее»? – усмехнулся я.

– У тебя достаточно мозгов, чтобы решиться смыть кровь с рук в конце концов...

– Ты хочешь сделать меня праведником? – оскалился я и обернулся.

У входа в кухню стояла Ринка в моей футболке и штанах.

– Дай с дедом поговорить, – хрипло попросила она.

– Нет, – даже не задумался я.

– Катя? – оживился в трубке ведьмак.

– До связи, Серый, – процедил я и едва не разбил аппарат о стенку.

– Не нравятся мои родственники? – вздернула Ринка бровь, усаживаясь за стол.

– Не заладилось что-то, – съязвил я.

– Миш, мне надо в больницу.

То, что она вдруг назвала по имени, ударило со всей силы в солнечное сплетение, и я тихо задохнулся воздухом.

– Зачем? – еле протолкнул на язык, отворачиваясь к разделочному столу.

– У тебя тут очень тихо...

– Зачем ты воровала для меня препараты? – обернулся я.

– И дождь слышно по-особенному, – посмотрела она в мои глаза.

Ведьма сводила с ума, но я неожиданно нашел в этом вдохновение.

– Что тебе нужно у врача? Ты же сама врач.

– Мне нужна таблетка. Экстренная. Я не хочу от тебя детей.

– А я хочу тебя нарисовать. Ты кофе пьешь?

– Да. Но рисовать тебя я не хочу.

Она вдруг показалась галлюцинацией. Я часто видел ее в своих приступах именно такой – растрепанной, домашней, теплой... и немного сумасшедшей. Рыжая одичалая кошка,

которая шипит на любую попытку приблизиться.

– Боишься показать мне, как угробила свой талант?

Ринка шумно засопела, поглядывая на меня из-под бровей, и я улыбнулся, зачем-то снова открывая холодильник.

– Ты уже достал молоко.

– Хотел тебе сливок подлить.

– Не нравится фигура?

– Нравится. Но тебя нужно реабилитировать, а я не знаю, с чего начать.

– С себя.

– С сахаром, – взглянул на нее, протягивая чашку.

– Тебе ничего так и не сделали из инъекций? – спросила она с неподдельным интересом. Я отвел взгляд и оттолкнулся от стола, возвращаясь к своей чашке кофе. – Не доверяешь? – потребовала она нервно.

– Не хочу расстраивать, – глянул я на нее через плечо.

– Значит, ты нанял для этого кого-то бестолкового! Они реально работают!

– Найми сама.

– Да какого же черта?! – вдруг взвилась Катя, и чашка кофе с молоком покатилась по столу. – Я так рисковала! Была уверена, что ты дашь ума! Но с тобой всегда так!

– Что так? – поднял я на нее взгляд, еле оторвавшись от чашки.

– Ты получил свободу, но продолжаешь ходить по краю ямы! Дразнишь судьбу! Подставляешься! Ищешь смерти!

– Кто бы говорил! – И я смел стол между нами одним взмахом, успокаивая дурочку за один миг. Ринка отскочила в сторону и, пошатнувшись, села на задницу. – Точно не проголодалась? – поинтересовался я, пытаюсь втянуть когти.

– Придурок, – откинула она волосы с глаз.

– Идиотка, – с чувством процедил я.

– Проголодалась!

– Вот так бы сразу!

И я сгреб ее с пола и резко выпрямился, наслаждаясь тем, как схватилась за мои плечи.

Она неожиданно обняла, впиваясь в кожу пальцами, и мы замерли посреди кухни. Я не хотел спугнуть, она не спешила отталкивать. А потом и вовсе положила голову на плечо и тяжело вздохнула.

– Сливки? – хрипло спросил я. Ответом мне стало громкое урчание в ее животе. – Наверное, я отвезу тебя к врачу. Только к другому.

– Теперь ты можешь возить меня, куда хочешь. Тебе только поводок осталось прицепить к ошейнику.

В груди снова разыгралась злость. Сучка то возила меня мордой и пинала ногами, то обнимала, прижимаясь всем телом.

– Ты же сказала, что не хочешь умирать, – напомнил я, усаживая ее на столешницу. – Сидеть.

– Лапу давать не буду.

– Переживу.

Я занял себя приготовлением какого-то бестолкового пе-

рекуса, не сразу сообразив, что мне странным образом полегчало. Мышцы перестали ныть от тяжести, а в душе будто просветлело. За окном тоже распогодилось.

Пока ведьма грела пальцы о новую кружку с кофе, я вытащил из шкафа блокнот и отдался порыву. Звук грифеля и его запах на бумаге наполнили рот слюной, а грудь тоской. Давно я не чувствовал жизни в руках и желания что-то с этим сделать...

– Тебе не хватает кота, – заметила она и подтянула одно колено к груди.

– Сегодня и заведем.

– Безответственно. Ты не будешь уделять ему внимание.

– Кошки гуляют сами по себе. Им не нужно внимание.

– Это только кажется, – повернулась она ко мне.

– Замри, – приказал я и вперил в нее взгляд.

Ринка сжала зубы, тяжело дыша, но повиновалась.

– А ты у меня, значит, ответственная. – Ее черты я помнил наизусть. Пусть она и повзрослела, но, чтобы найти отличия, мне понадобилось всего несколько линий. Пока их немного, кажется, что все еще можно изменить. Если бы не ее потухший взгляд. – Ты не придумала, чего хочешь?

И почему такой простой вопрос ставил ее шерсть дыбом? Она терялась, начинала беспокоиться и потирать вспотевшие пальцы о футболку.

– Нет еще.

– Но ведь Тахира ты зачем-то хотела...

Повисла тишина, нарушаемая лишь звуком хриплого чирканья моего карандаша по листу.

– Мечтать не вредно, – отвернулась она в окно.

– Ну а если бы он повелся?

– Он бы не повелся, – настороженно нахохлилась она.

– И это, по-твоему, мечтать? – Я растушевал тени мизинцем и сдул грифельную пыль. – Даже Марине удалось больше...

– Она – не ведьма, – беспомощно спорила Ринка, поглядывая на блокнот в моих руках. – И она – его избранная.

– Ты его не хотела, – усмехнулся я немного разочаровано. Даже такая искра в моей ведьме меня бы устроила. Да, я бы повоевал с ней, убил бы немало столов в своем доме, но это бы имело смысл. – Хотела бы – не отдала никому.

– Я просто не сумасшедшая, – возразила она.

– Ты просто неудачница. Имея такую внешность, потрясающее тело и блестящий ум, ты написала ему прощальное письмо и пошла добровольно умирать. И кто тут ходит по краю ямы?

– А если бы не отдала Марине? – подперла она рукой подбородок.

Критику Ринка всегда воспринимала тяжело. Синдром отличницы.

– Ты отдала, – отвернулся я.

Сил разговаривать о Тахире надолго не хватило. Недоставало мне еще фантазировать о них с Ринкой!

Входная дверь пикинула, и на мобильный пришло сообщение, что Иса уже на пороге.

– Чем предпочитаешь заняться, пока у меня деловая встреча? – поднял я на Ринку взгляд.

– А где будет встреча?

– Здесь.

Она красноречиво глянула на перевернутый стол:

– Буду завтракать тут.

Я медленно моргнул, чувствуя, как ясность в голове снова начинает затягивать серыми тучами, стоит представить, как я выношу Ринку из кухни на плече. Она же вернется. Как ребенок, ей богу... Зубы скрипнули от злости, но в двери нетерпеливо постучали, и я, плюнув на ведьму, направился открывать.

Глава 2

Ж

Когда Стерегов вышел из кухни, я еле заставила себя не сгорбиться. Руки задрожали, но я продолжала сидеть на столешнице, боясь пошевелиться. Я не хочу быть в его жизни лишь той, которую трахают, когда захочется. Я же видела, как он поначалу относился к Марине в клинике. Как к мебели. Но ей удалось очаровать не только Тахира. Черствое сердце этого монстра она тоже умудрилась смягчить. И ведь он ее так и не тронул...

Меня же...

Я спрятала лицо в ладонях, заполняя их дрожащим дыханием.

Но когда он вдруг взялся меня рисовать, я растерялась. Стало интересно, рисовал ли он Марину...

На звук голосов я подобралась и подняла взгляд на вход. Почти в ту же секунду в кухню явился смуглый высокий оборотень. Взгляд цепкий, пронзительный. Он оглядел меня с любопытством и улыбнулся:

– Доброе утро. Я Иса, друг Михаила. – Он стянул с себя мокрый кожаный плащ и бросил на спинку стула. – Вернее,

изо всех сил пытаюсь им быть.

Я слабо усмехнулась. Странное имя. И оборотень необычный.

– Катя, – тихо представилась.

– Повесь, – буркнул Стерегов, входя в кухню следом. – Мне еще пола мокрого не хватало...

Капли воды, которые уже успели натечь, но вдруг испарились, и оборотень встряхнул абсолютно сухой плащ.

– Стол вернем? – поинтересовался он, и вместе они принялись восстанавливать порядок в кухне.

А я не спускала взгляда с друга Стерегова. Он что, магией обладает? Таких на учете по пальцам одной руки пересчитать.

– Так кто еще будет? – поинтересовался Михаил, когда стол встал на место.

Он оказался под стать хозяину – ударопрочный.

– Сааг, Харук Хан и Батист, – ответил Иса, глянув на меня. – Но меня не покидает идея попросить ребят захватить шампанского и цветов, а не вот это все...

И он, подмигнув мне, улыбнулся.

– Ну, попробуй подарить цветы Саагу, – хмуро глянул на меня Стерегов. – Этого мы с ним еще не пробовали.

Стерегов нервничал. По-звериному. Что я сижу тут перед всеми. И что этот второй оборотень чувствует мой запах. Он обосновался у столешницы, оперевшись на нее и сложив руки на груди.

– Ты безнадежен, – вздохнул Иса.

И полез в холодильник. Периодически что-то ворча себе под нос на каком-то языке, потащил оттуда все, что было.

– Я не собираюсь кормить всех, – нахмурился на него Михаил.

– Я тоже. Это все для меня. И Кати. Не ела же, да? – он глянул на меня, снова улыбнувшись. – Ну, раз ты столом тут махал – точно не ела. – Когда Стерегов ушел открывать двери, Иса снова мне улыбнулся, повернув голову от разделочной доски: – Кать, если вдруг нужно чего – дай знать, – и протянул мне визитку, не пойми как оказавшуюся в его руках.

– Вы мне никто, я вас не знаю... – проигнорировала я визитку.

– Я – его лучший друг, – вздернул он бровь, не сдаваясь. – Я хочу, чтобы он был счастлив. Он заслужил.

Я хотела спросить: а как же я? Только вопрос этот глупый. Я все еще не знаю, чего хочу. Михаил так изящно ткнул меня в очевидное, что я до сих пор чувствовала себя, как после первоклассной психологической терапии. Простой же вопрос. И самый сложный по сути. Только я и не думала задавать его себе. А практику психотерапии давно забросила, позволив себе лишь несколько пациентов. Все они имели отношения к Тахиру.

– Возьми, пожалуйста. – Иса ждал.

А когда из гостиной донеслись громкие возмущенные го-

лоса, я быстро схватила визитку и спрятала в карман штанов.

– Еще одно слово, и полетишь мордой на мостовую, – услышала недовольное рычание Михаила.

– Я в голове не могу уместить! – возмущался кто-то звонко.

– Вот и займись этим или выметайся!

Мы с Исой тревожно переглянулись. Я видела, он очень хочет бросить шинковать колбасу и направиться в гостиную, но волевым усилием остается на месте. Мне же стало страшно. Эта встреча здесь собиралась по моему поводу. И, видимо, про цветы тут думал только Иса. В том, что он в этом вопросе действительно на стороне Михаила, я почему-то не сомневалась. Оборотень располагал доверию. В конце концов, это вообще не мое дело, пусть Стерегов решает, кому тут доверять. А я была бессильна перед теми, кто тут собрался.

Наконец, в кухню вошел невысокий растрепанный ведьмак в модном костюме и с современной стрижкой, которую я терпеть не могла. Он напоминал мокрого недовольного воробья. Представляться не собирался, как и я. Стало даже приятно, когда он чиркнул по мне неприязненным взглядом и рухнул на стул. Я даже слова не сказала, а уже так взъерошила ему нервы с утра. Хоть какая-то радость.

– Это Илья Сааг, – тихо шепнул Иса, протягивая мне тарелку с сэндвичем. – Поешь, пожалуйста.

Стерегов в кухню не явился. И вскоре стало понятно почему.

– Да мы ему морду-то подправим! – раздалось громогласное в гостиной, и в просторной кухне Стерегова стало тесновато – в нее вошел здоровенный дядька в татуировках и вдруг рванул стул с взъерошенным ведьмаком к себе: – Даже не думай мне тут желчь расплескивать!

– Сядь, Батист, – придавил его плечо Стерегов, отталкивая от Стриженого Воробья.

Но тут здоровяк заметил меня. Сколько эмоций изобразилось на суровом лице! Он сначала удивился, потом засиял, как ребенок, и развел широко мощные руки:

– Добро пожаловать в семью! Я Батист. Боевой товарищ Миши, – представился громко, но шагу ко мне не сделал. – Мы тебя в обиду не дадим!

Я едва не уточнила, кому именно. Но... что-то было во всем этом утре такое... По крайней мере, оборотни на встрече согревали ее изо всех сил, а главное – они искренне ценили Стерегова и были с ним далеко не из-за каких-то выгод.

Чего не сказать о Стриженном Воробье. Тот скрежестал клювом и топорщил перья, отвернувшись к окну. Но, несмотря на это, я вдруг почувствовала здесь себя уместной, а не наглой ведьмой, изводившей нервы оборотню. Мужчины изящно отгородили меня собой от ведьмака – один переместился к кофеварке, второй продолжал строгать в соломку все содержимое холодильника и готовить из этого завтрак.

– Пока не сожрешь, из-за стола не встанешь, – усмехнулся Стерегов Исе неожиданно тепло, и у меня самой губы дрог-

нули в слабой улыбке.

У Стерегова есть друзья. Надо же... Я перевела на него взгляд, позволяя себе обмануться на несколько мгновений. Будто он действительно бывает счастлив в какие-то моменты своей жизни после побега. А может, и правда был?.. Или так моей совести становилось немного легче?

– Ты все еще хочешь тут остаться? – прозвучало так близко, что я вздрогнула и чуть не упала со столешницы.

Михаил шустро подхватил одной рукой под ноги, коротко прижав к себе, и усадил обратно. И так захотелось, чтобы взгляд его задержался подольше, как и руки. Но он, не дождавшись ответа, отстранился и шагнул к столу как раз в тот момент, когда в кухню вошел еще один ведьмак.

Шею обожгло обручем, стило ему найти меня взглядом. Так вот чей ошейник я ношу... В горле пересохло, когда он коротко глянул на меня и отвернулся. Такому не стыдно проиграть. Мне до него очень далеко. И ошейник я его никогда не сниму.

Хмурый высокий тип азиатской внешности. Старше всех в этой комнате, разве что, может, младше Стриженного, но и этот кажется цыпленком по сравнению с ним.

– Хан, привет! – махнул ему лапой Батист, но руку ведьмак протянул только Стерегову, коротко кивнув остальным присутствующим.

– Ей лучше выйти, – каркнул недовольно Стриженный. На него не обратили внимания, только Батист насупился.

– В чем твоя проблема? – спросил он хмуро.

А я нагло откусила большой кусок от сэндвича.

Только сейчас заметила, что мужчины в кухне так и разделились: оборотни по мою сторону, Стриженный – один за столом, и только Хан остался стоять сбоку.

– Проблема в том, что вы, господа волки и медведи, подвергаете наш союз риску. Начиная с того, что даете ей слушать и смотреть в ваши морды, заканчивая тем, что притягиваете к нам хвост в виде высшего ведьмака. Неплохой ход Серого. Михаил, не думал об этом? Сколько он тебя прижимал, и вот...

И он с вызовом развалился на стуле.

– Не ты обеспечиваешь наш союз безопасностью, Илья, – усмехнулся Стерегов и прошел к столу с чашкой кофе, бросив взгляд на Хана.

– Ну так и Хан сегодня здесь не просто так. – Стриженный глянул вопросительно на мрачного ведьмака.

– Я здесь по другому поводу, – хмуро отбрил Хан, усаживаясь за стол вместе со Стерековым.

Не дал Стриженному повода считать себя союзником. Иса тут же изящно подал Хану кофе, словно в благодарность.

– По какому же? – встопорщил брови Стриженный.

– По личному.

– Ладно, – поднял он ладони вверх, – ладно, секретничайте. А со Стрелецким не хочешь посекретничать на эту тему?

– Ну и кто тут подвергает союз риску? – оскалился Иса. –

Ты зачем фамилии сбалтываешь, Сааг?

Батист шумно фыркнул рядом, будто обратился в медведя. А физиономию Стриженного надо было видеть! Он принялся зыркать на собеседников в поисках поддержки, но никто не поддержал. И тогда он подскочил со стула:

– Да вы тут ей уже выдали себя с потрохами! – Он заходил туда-сюда, делая вид, что один озабочен проблемой со мной. Я сделала шумный до неприличия глоток кофе. Утро приобретало краски. – Вы правда не понимаете, чем это все грозит?!

– Ты, если хочешь что-то конкретное сказать, говори, – раздраженно рявкнул Стерегов. – Хочешь меня выкинуть?

– Что? – сморщился Стриженный, будто почувствовал неприятный запах. – Нет!

– Мне плевать. Услышал меня? – Михаил сжал кулак перед лицом, потирая костяшками пальцев подбородок.

До боли знакомый жест.

– Услышал, – выплюнул Стриженный и, оглядев остальных, направился из кухни. – Я вас предупредил!

Когда дверь хлопнула, я соскользнула со столешницы.

– Куда ты? – хмуро глянул на меня Михаил.

– Я позавтракала, – пожала я плечами и перевела взгляд на Ису. – Спасибо большое.

И направилась из кухни.

* * *

М

Я с трудом заставил себя отвернуться от выхода из кухни и перевести взгляд на Хана.

— Она — внучка Серого, — посмотрел он на меня прямолинейно. — Ты не сказал.

— Ничего бы не поменялось.

— Для тебя, — терпеливо поправил он. — Для меня это меняет многое. Не думаю, что Артур не станет вмешиваться. Он собирался шею подставить ради твоей женщины. Но явился Сбруев и сам привел тебя к ней.

А я подумал об утреннем звонке.

— Серый звонил, — признался нехотя.

— Чего хочет? — подобрался Хан.

— Показать меня всем.

— Что?! — тихо воскликнул Иса.

— Сказал, что не намерен меня скрывать, и собирается чуть ли не усыновить.

Батист поперхнулся кофе.

— Может, он уже сильно старый? — с сомнением протянул Иса. — Не в себе?

– Ты этого точно не дождешься, – задумчиво хмурился Хан. Он перевел на меня взгляд. – И что собираешься делать?

– Ничего. – Я задумчиво потер подбородок, прикидывая расклад. – Пока ничего.

– Дом твой за городом в безопасности. Мы с Дзери все прочесали.

– Как твой сын? – поймал я его взгляд.

Хан привычно болезненно нахмурился. Вопросы о сыне выбивали его из колеи, а я искренне ждал, когда это пройдет. Нет, я не напоминал ему про долг. Да, я спас его сына несколько лет назад из смертельной переделки, но я не знал, что за этим последует такая награда от его отца. Харук Хан взял на себя многое, с чем в одиночку не справлялся Иса. И я был ему благодарен не меньше, чем он мне.

– Дзери в порядке, – кивнул он. – Шрамы почти зажили. Но он все еще не разговаривает.

– Хорошо. Держи в курсе, если что-то нужно.

– Спасибо, Михаил, – поднялся Хан. – Я буду начеку. Ошейник твоей женщины проверил – надежно.

– Такая сильная? – поинтересовался я, замирая внутри.

– Достаточно. Но опыта маловато. Чутья нет. Она не боевая ведьма.

Я лишь кивнул. Стало мерзко. Я будто препарирую тут Ринку, стараясь добраться до ее нутра вот так – напролом. Потому что сама она не пустит и не покажет.

– Я нужен тебе еще? – напомнил о себе Хан, стоя у стола.

– Нет, – вздохнул я. – Спасибо.

Он коротко склонил голову и вышел.

– Мы тоже пошли, – ткнул в плечо Батиста Иса.

Я слабо усмехнулся.

– Нет, я не понял, – хмурил лоб Батист. Он пытался шептать, но все равно выходило громко. – Сааг совсем охренел?! Он чего тут выпендривался? Заставить тебя хотел бросить самку?!

Я молчал.

То, что Сааг вдруг раскрыл рот на мою личную жизнь, говорило о многом. Силу этот изворотливый вед в себе не почувствовал. А вот чью-то поддержку и мою слабость – вполне. Иса все понимал.

– Ничего нового, друг, – хлопнул Иса Батиста по плечу. – Ведам не понять наших слабостей, но очень хочется их организовать.

– Ну тебе же не организовали, – пробубнил тот. – Не так это просто.

Правда? Слова Саага о том, что Серый мог бы организовать мне Ринку, все же ввинтились в мозги. Я опасался и ненавидел высших ведов за их ушлость, беспринципность и всемогущество. Но мои страхи – моя слабость. А слабости я ненавижу больше.

– Миш, не верь ему, – вывел меня из ступора Иса. – Даже если это и так, мы Ринку не отдадим. Он ее не вытянет. С

нами не справится.

– А почему ты думаешь, что Серый один? – зачем-то спросил я вслух.

– Ну, он всегда сам по себе, – пожал плечами Иса. – Вспомни, как мы шарили за ним.

– И ничего не нашарили, – насупился Батист. – Прибить бы его по-тихому.

Когда-то я бы не отказался. Но теперь он – дед Ринки. Единственный ее родственник. А ведь он до недавнего времени не знал, что это я угробил его дочь – экзекуторшу. Выходит, Ринка ему не доверялась. Все держала в себе.

– Ладно, – подогнал Батиста Иса. – Пошли. Еда все равно кончилась.

– Кончилась? – восхищенно усмехнулся я.

– Ну ты же сказал: не встану, пока Батист все не доест, – оскалился Иса.

– Я не так говорил, – улыбнулся я, глядя им обоим вслед.

– Не провожай, – слышалось из гостиной, и раздался щелчок замка.

Я послушал тишину некоторое время, поднялся и направился на поиски ведьмы. Она нашлась в спальне под одеялом. Но не спала. Лежала лицом к окну.

– Я бы хотела продолжать работать, – выдала тихое на мое приближение.

Будто я у нее экзамены пришел принимать.

– Нет.

Она обернулась и села на кровати.

– Ты просил сказать, чего я хочу, – раздула она ноздри.

– И ты нашла самый оригинальный ответ? – оскалился я, опираясь плечом на стенку напротив кровати. – Работать? Тебя ветром шатает, вся ты – один нервный ком и разносчик депрессии, и ты мне рассказываешь, что работать – твое самое настоящее желание? – Как соблазнительно она злилась! И я решил добавить жизни цвету ее лица. – Мне кажется, что даже трахаться ты хочешь больше, чем работать.

Щеки Ринки предсказуемо вспыхнули, и я предпочел рассмотреть ее поближе – оттолкнулся от стенки, на ходу стягивая футболку. Она переполошилась, попыталась отодвинуться к спинке кровати, но так даже интереснее. Она уперлась спиной и широко раскрыла глаза, глядя, как я развязываю пояс на штанах и стягиваю их с бедер. От ее шумного сглатывания и дрожи ресниц захотелось забыться, намотать рыжие волосы на кулак и заставить взять в рот то, на что она так невинно вытаращилась.

– Ты никогда голого мужика не видела? – зло спросил я и содрал покрывало на пол, едва не уронив вместе с ним и Ринку.

Она молчала. Смотрела на меня сверху вниз, как девственница. Девственница, которая изо всех сил пыталась строить из себя пресыщенное безразличие. И на этом контрасте меня больно приложило открытием. Ноги задрожали, и я сделал вид, что просто так опустился рядом с ней на ко-

лени. Просто так осторожно толкнул на спину и принялся заботливо раздевать, концентрируясь на ее трепетном отклике.

Мне некого рвать на куски, некого искать и срываться за то, что пользовал мою девочку и не сделал счастливой. Ведь она стоит того, просто сама этого не знает. И переспрашивать лишний раз об этом не стала.

У нее не было никого.

Только я.

И я не знал, как вообще позволил себе вернуться. Еще и так. Но зверь во мне сгорал от тоски и голода. А Ринка хоть и жмурилась и задыхалась от моей близости, пыталась отвечать, строя из себя матерую любовницу, для которой я лишь какая-то пародия, зверюга неотесанная. И я снова оставил на ее нежной коже набухавшие кровью царапины, с упоением зализывая каждую. Конечно, Ринка сжималась в ответ на любую ласку. Но если эта дурочка не перестанет подсовывать мне подделку вместо себя настоящей, я буду продолжать ее наказывать. Выбивать из нее оригинал, не давая передышек, пока не закричит мне правду.

Но ведьма не сдавалась. Обвила шею руками, освежила царапины на коже и впилась зубами в шею... И тут же вскрикнула, когда я сбросил ее с себя, развернул задницей кверху и схватил за горло.

– Растеряла все свои таланты, – прохрипел ей на ухо, грубо прошелся пальцами меж ее ягодиц.

Ринка завертела задницей, пытаясь сбежать, а меня захва-

тила злость. И я принялся трахать ведьму пальцами, срываясь на такую сумасшедшую экспрессию, что чуть не кончил сам, когда она задергалась вокруг моих пальцев и сжала ноги, хныкая, как малолетка. Лучший аккомпанемент для безразмерного чувства вины, заигравшего на совести. Но не было способа заткнуть его лучше, чем заставить Ринку сменить репертуар.

Я не стал сжигать нас обоих в безумии, как вчера. Почему-то вид разомлевшей от ласки и удовольствия ведьмы успокоил злость, и я медленно вошел в нее, наслаждаясь каждым ее рваным вздохом. Настоящая ведьма, породистая. У нее на роду написано сводить зверя с ума. Я и сходил. Медленно, с каждым движением в ней. Ринка трогательно морщила брови и кусала сочные губы, жмурясь. Достало. Она вскрикнула, когда собрал ее волосы и впился в них пальцами, заставляя ее приподнять голову.

– Смотри на меня, – прорычал в ее раскрытый рот.

Но стоило ей подчиниться, меня сорвало.

Я уже не слышал, лишь смотрел, как наполняются влагой ее большие глаза и как капли скользят проторенной дорожкой по ее вискам, вздрагивая с каждым моим толчком. Но долго не смог. Потянул Ринку за волосы, вынуждая подставить мне шею, и впился в метку зубами до полного самозабвения...

Она не принимала меня. Ерзала, пытаясь соскочить с чле-

на, но я лишь вяло пресекал ее попытки, вжимаясь в нее снова и снова.

– Ты меня раздавишь, – прошептала она.

– Жаль, у тебя нос не растет от вранья.

– Миш, отпусти! – проревела вдруг она. – Выпусти!

Я выпустил, удобно устраиваясь на спине, и закинул руки за голову:

– Что, трахаться тоже не хочешь?

Член все еще стоял колом, не давая ведьме шанса избежать его взглядом. Ринка, конечно, попыталась, но, быстро сдавшись, разразилась вдруг таким неумелым и трогательным матом, что я рассмеялся. А она неожиданно кинулась на меня с кулаками. Ну вот и как тут выдержать такой вожденный напор? Ринка сама меня оседлала и принялась царапать и кусать мне пальцы, когда я пытался изящно скрутить идиотку и не трахнуть ее снова.

– Тихо! – рявкнул, вынуждая ее остолбенеть, но опрометчиво оставив свободной ее правую руку.

И она сочно заехала мне по лицу.

Мы замерли, тяжело дыша друг другу в губы. Она – испуганно раскрыв глаза, я – наливаясь звериной злостью. Один вдох, один выдох... и я швырнул сучку под себя, игнорируя ее испуганный писк. Сил, как оказалось, у нее осталось прилично, а я тут ее жалею! Теперь не жалел – драл со всей страстью, аж мурашки шли по коже. Но Ринке будто это и было нужно. Видел – отдалась, забылась и перестала путаться в

своём вранье. Уже не боялась смотреть. Пусть и из-под опущенных ресниц, но все равно сплеталась взглядом с моим, доверяла, следовала за мной...

Мы взмокли так, будто дождь пролился на нас из ниоткуда и оставил после себя невероятный запах, который хотелось пить – слизывать с кожи ведьмы, собирать, как росу, и бесконечно долго катать на языке...

Я даже не сразу понял, что меня отключило. Вскинувшись, разбудил и Ринку, лежавшую у меня в руках.

– Ты как слон в фарфоровой лавке, – сонно проурчала она.

– Медведь, – прохрипел я, настораживаясь.

Что-то было не так.

Я приподнялся на локте, прислушиваясь.

Дождь... дождь оставил не только запах свежести в нашей спальне. Через открытое окно в занавески бился свежий ветер. И это мешало запаху гари полноценно расцвести у нас в спальне. А когда слух уловил слабый характерный треск, я подскочил с кровати и бросился в гостиную. Но тут же застыл, замороженно глядя, как наша с Ринкой картина тлеет на глазах и разгорается изнутри жрущим ее пламенем. Пожарная сигнализация безмолвствовала.

– Что? – изумленный спросила Ринка. – Что происходит?!

И она едва не кинулась мимо меня по лестнице, но я не пустил. Огонь в это мгновение прорвался через плоть холста и ярко вспыхнул, озарив гостиную целиком. И не сказать что

не реальный – жаром от него перло вполне осязаемо. Но когда я уже собрался эвакуировать Ринку через спальню, пламя вдруг вспыхнуло ярче... и погасло, не оставив дыма.

Ведьма растерянно обмякла в моей хватке, и я оттащил ее в спальню и усадил на кровать.

– Ни шагу из спальни, – обхватил ее лицо и посмотрел в глаза. – Ты поняла?

– Куда ты? – спросила она хрипло, хватаясь мокрыми ладонями за мои запястья.

– За мобильником. Сейчас вернусь.

Глава 3

Ж

Много всего пугает ведьм.

Но самое страшное – остаться бессильной перед угрозой чужой силы. Я забыла об этом на секунды, когда попыталась броситься вниз к картине. Хотелось отбить ее голыми руками, лишь бы не отдать кому-то. Кто-то решил, что ему можно подобраться вплотную и уничтожить то небольшое, что хранило хорошие воспоминания о моем детстве. В этой картине был весь мой путь к Стерегову. Мне так хотелось быть достойной его, уметь видеть хоть толику так же, как видит это он, и дать ему понять, что для меня это ценно. Я будто учила незнакомый мне язык без учебников и подсказок, потому что было жизненно важно уметь разговаривать на нем. С ним. Это для бездушных ученых не было ничего особенного в том, какая искра горела в подопытном мальчишке-оборотне. Для них он был всего лишь одним из многих. Я же умирала каждый раз вместе с ним, когда он не мог часами подняться с кровати.

Но я никогда не могла дать сдачи за него. Пока была маленькой – не было сил. Сейчас – смелости.

– Оденься, – вошел Михаил в спальню, сосредоточенно глядя в экран мобильного. – Сейчас Иса с Ханом вернутся. – Он поднял взгляд на меня, замер... потом прошел к кровати и опустился в моих ногах. – Испугалась?

Я тяжело сглотнула, сжимая коленки обручем из рук.

– Тебе не стоило надевать мне ошейник... – прошептала.

Он задержался на моем лице пронзительным взглядом, но тут снизу донесся стук в дверь, и Михаил поднялся, подхватил штаны с пола и снова вышел из спальни.

Вот зачем я сказала ему про ошейник? Он же не поймет, что мне в ошейнике страшно и что я действительно испугалась своей беспомощности. А если бы мне нужно было защитить нас обоих? Вдруг бы кто-то решил, что можно уничтожить не только дорогую мне картину, но и Михаила?

Внизу зазвучали взволнованные голоса, а я подскочила с кровати, сгребла разбросанные вещи и бросилась в ванную. Наскоро приведя себя в порядок, отважилась высунуть нос на лестницу. В гостиной уже собралась знакомая компания, только без Стриженного. Суровый ведьмак Хан стоял перед картиной и хмуро на нее взирал. Иса со Стереговым – в центре комнаты. Батист расхаживал туда-сюда между ними.

– Я ему башку оторву! – выругался он приглушенно, но тут же вскинул голову и встретился со мной взглядом.

Остальные тоже меня заметили.

– Это снова мы, – попытался смягчить атмосферу всеобщего напряжения Иса улыбнувшись, но Хан при этом так на

меня посмотрел, что ноги осязаемо приморозило к полу, и я поежилась.

– Иди в спальню, – недовольно приказал Стерегов, и я прикрыла глаза, будто от пощечины.

Преппираться с ним и отстаивать свое достоинство не время. И я, развернувшись, выполнила приказ. Но, переступив порог, тут же опустилась на пол и обняла колени, вжавшись спиной в дверной проем.

– Ну что ты там бровями водишь? – громко спросил Батист. – Это Сааг, что там еще думать?!

– Вряд ли, – тихо заметил Хан, вздыхая.

Не хватает кислорода. А значит он следовал путем огня и искал источник его питания. Интересно, и куда огонь его завел? Со мной вряд ли поделаться такой информацией.

– Я ничего не чувствую. – А это сказал Иса. – Будто не было тут никого.

– Пожарка не сработала, – мрачно заметил Стерегов.

И казалось, что это его напряжение про меня. Они что, правда думают, что это я?

– Хотели бы тебя убить – подожгли бы что-то по-настоящему, – бурчал Батист.

– Ну это понятно. – Судя по тому, как изменилось эхо голоса Хана, он отвернулся от выгоревшей картины.

Непродолжительная тишина дала понять, что в моем присутствии он больше ничего не расскажет.

Я вжала голову в плечи. Ну почему вдруг стало так важ-

но, чтобы мне тут кто-то поверил? Они уже нацепили на меня ошейник, как на преступную ведьму. Только стало вдруг физически больно. В грудь будто кусок льда положили, и он обжег внутренности. Я сжалась, пытаюсь перетерпеть, и прикрыла глаза. Меня вдруг коснулись и, не успела я дернуться, подхватили на руки.

– Что такое? – тихо спросил Стерегов, вскинув меня к груди и коротко прижав к себе. – Тебе плохо?

– Это – не я. – Голос дрогнул, хоть я и пыталась заявить об этом твердо.

– Я знаю. – Он вернул меня на кровать и выпрямился. – Твои шмотки вернули. Собираемся и едем.

– Куда? – растерялась я.

– Ты хотела к врачу. Я тебе устроил встречу.

– Я сама...

– Рот закрой, – беззлобно приказал он. – Ты не будешь себя лечить.

– Я буду спорить с твоими врачами, тебе будет стыдно, – процедила я.

– Плевать. Спорь, сколько влезет.

– Мне неприятно, что ты мной командуешь перед друзьями, – проследила я за ним, когда он направился из спальни.

Михаил даже глазом не моргнул. А когда вернулся с моими вещами в пакете, зыркнул на меня недовольно.

– Я не хочу, чтобы все тебя лицезрели такую! – прорычал, швыряя пакет на кровать.

– Какую?

– Растрепанную, зовущую и еще не остывшую после секса со мной. – Он навис сверху, ввинчиваясь в меня злым голодным взглядом. – Я хочу посадить тебя в комнате и трахать с утра до вечера, а не носиться с этим всем и выворачивать свою личную жизнь на всеобщее обозрение! Поэтому спасибо, что не встала снова в позу!

– Я не виновата, что тебе приходится носиться!.. – зачем-то пререкалась я.

А все оттого, что его откровенные разговоры о желании, всякое отсутствие деликатности и полное бесстыдство вгоняли меня в ступор. Я понятия не имела, что делать с этим раздевающим догола взглядом и физически осязаемым требованием подчиняться каждую секунду. Даже в одежде я ощущала себя перед ним не просто раздетой, а разложенной на кровати с раздвинутыми ногами.

– Ты виновата! – рявкнул он вдруг на мою попытку подтянуть к себе вещи в пакете. – Виновата в том, что носиться мне пришлось только сейчас, а не десять лет назад!

– Потратил ты их так себе! – взвилась я.

– Зато есть, что тебе предложить! – усмехнулся он зло. – Дед твой теперь суетится меня представить в качестве твоего избранника перед всем высшим кагалом! Нет чести теперь больше, чем явиться перед ними в наморднике и, как он выразился, с чистыми руками! Понимаешь?

– Что? – задохнулась я, раскрывая глаза. – Какой наморд-

ник? Он не мог...

– Конечно, не мог! – зло скалился он. – Он же не высший, которому позарез надо мою голову на блюде показать ради выслуги. Вот я и думаю: ему так сойдет, или он все же предпочтет меня обезглавить для надежности?

– Ты думаешь, это мой дед сделал? – понизила я голос.

– Если он полезет, я его убью, – смешался с рычанием голос.

Михаил выпрямился и скрылся в ванной, громко хлопнув дверью.

Я насупилась.

Захотелось броситься за ним, вломиться в ванную и продолжить ругаться, желательно с битьем чего-то хрупкого и звонкого на голове твердолобого медведя! Только Стерегов меня либо убьет, либо снова выдерет до радуги перед глазами. А у него там полная гостиная народу. И ничего я все равно не добыюсь.

И когда меня в последний раз хлестало такими эмоциями, что умные мысли и близко не мелькали даже в слепой зоне? Я пошарила взглядом по комнате в поисках чего-то успокоительного – вазы, к примеру, или лампы. Но в интерьере из подходящего был только пышный зеленый цветок на окне, а его мне стало жалко.

Я походила туда-сюда, потирая ладони. Какие же они были холодные! Взгляд вернулся к пакету с одеждой, и я направилась к нему, намереваясь быстро переодеться. Только

в пакете не нашлось моего белья. Черт его знает, что с ним сделал Стерегов. Порвал? Выбросил? И как я...

Только тут тихо щелкнули двери, и я замерла с натянутой на голову футболкой. Стерегов сразу сузил глаза на моей груди и напряженно вздохнул. Я же задержалась в футболке, запуталась в горловине и едва не задушилась, пытаясь натянуть ее на себя.

— Ну и что я там не видел? — хрипло потребовал он за спиной и взялся меня выпутывать. И, когда я решила, что мне под силу вспомнить, что я взрослая женщина, а не трепетная малолетка, он добавил: — Хотя, я бы еще посмотрел, конечно...

— Господи, да что б тебя!.. — дернулась я, и вместе мы, наконец, спрятали предмет его внимания под футболку. Но меня уже взвинтило. Он что, решил, что так удобнее, если с меня не придется стягивать трусы?! — Где мое белье? Как я буду носить это?! — Я развернулась и указала ему на грудь, неприлично обтянутую в месте торчащих сосков, но понимания проблемы на его морде не обнаружила. Наоборот, Стерегов повернул голову на бок, изучая открывшийся вид с нездоровым интересом.

— Твое белье не вывезло вчерашнего дня, — нахмурился он и тяжело сглотнул, поднимая взгляд к моему лицу. — Если бы я не боялся того, что ты тоже можешь не вывезти, я бы тебя сейчас снова выдрал...

Я замерла на пару вдохов, раскрыв глаза и сжав плечи,

чтобы хоть как-то спрятаться от его горящего взгляда, и быстро удалилась в ванную. Стерегов проследил за мной с раздражением. Но меня испугало не то, с каким голодом он смотрел. Наоборот. Мне даже захотелось этого сейчас. Секс с ним не оставлял вопросов. А вот жизнь пугала до чертиков. Идиотизм, конечно, для той, которая собиралась отправиться на расправу вчера. Но Стерегов прав – я совсем запуталась, и это глупое решение показалось мне самым умным. Теперь же жизнь продолжилась. И то, что мне нужно одеться и куда-то сейчас выйти, сбивало дыхание, путало мысли и будто стирало меня в пыль.

Кто я теперь?

Я вообще никуда не выходила последние годы, кроме как на работу. А тут вдруг не стало ежедневной рутины. Нет пациентов, которые давали самый простой и важный смысл. Нет Тахира, которого я вымоталась спасать и любить. Даже Артура у меня нет, потому что Стерегов ему не доверяет и обещает убить. И теперь меня ждала какая-то неизвестная жизнь там, за порогом, единственная определенность в которой – Михаил. С его необузданными страстями и почти безграничной властью. Что мне делать с ним? А что мне делать с собой? Лучше всего мне удавалось жить в одиночестве. Я слишком долго была одна. Тем временем, даже у Стерегова были друзья.

Натягивая джинсы на взмокший голый зад, я думала о двуличии Михаила. Интересно, друзья в курсе, какой Стере-

гов бездушный монстр временами? Естественно. Закрывали глаза? Предпочитали не лезть? А, может, содействовали? А кто их осудит? И не все ли мне равно?

Я выпрямилась и глянула в зеркало. Давно не видела у себя такого цвета лица. Губы искусаны, глаза блестят, от привычной бледности не осталось и следа...

Не все ли мне равно?

А что от него было ожидать? Зверь, вырвавшийся на свободу, усеял свою дорогу трупами. Что он выучил за свое детство за решеткой, полное боли и издевательств? Удивительно, что, продолжая удовлетворять амбиции, Стерегов нашел время свету в своей душе – учился, стал художником, открыл благотворительные школы искусств для приютских детей.

Он разделил в себе две ипостаси не только потому, что оборотень. Это спасало ему рассудок. Только человеческая его часть несла смерть и опустошение, решая вопросы силой и устрашением. А звериная хранила мягкую кровоточащую сердцевину, скрывая настоящего Стерегова. Того самого, которого я знала с детства. И каждая ипостась ему жизненно необходима. Не зря у него два имени. Ведьмаки сами вырастили эту угрозу, сами дали ей силу. А теперь пытаются обуздать, усмирить, сотрудничать... Видимо, прибить не выходит.

Когда-то ненависть к ученым и высшему свету стала самым главным моим смыслом. Но Стерегов никогда его не поощрял. Я злилась, рыдала, готовилась биться за него со всем

миром, а он вручал мне кисть, краски и давал задания... Тогда. А сейчас надел ошейник и поставил метку избранной.

– Ты долго тут будешь сидеть? – прозвучало раздраженное позади, и я вздрогнула, оборачиваясь.

– Мне стоило к тебе вернуться... – прошептала сдавленно и испугалась собственных слов.

И не зря. Михаил медленно приблизился ко мне, не выпуская из своего цепкого внимания.

– Мне плевать, чем ты тут себя оправдала, что решилась высказать мне это в лицо, – заговорил он со злостью. – Если думаешь, что я преисполнюсь радости от твоего запоздалого озарения, то ты – идиотка. Эти твои отложенные сопли-слезы только злят и незатейливо оттеняют твою глупость. Ненавидишь меня за убийство родителей – ненавидь уверенно и непреклонно! А то я теперь вообще не понимаю, какого черта сдыхал по тебе десять лет, когда тебе, оказывается, стоило вернуться!

И какую я там жизнь себе нарисовала? Действительно, идиотка.

– Зато тебе теперь есть, кому бесконечно можно это высказывать, – вздернула я нос. – Зачем мне тогда вообще шмотки, если все твои намерения на мой счет умещаются между двух слов – «унижать» и «драть»?

– Всегда успею, – зарычал он, теряя самообладание.

Это было несложно понять – зрачки его сузились, и на передовую явился медведь – реветь и запугивать меня. Пото-

му что очень боялся, что придется показаться во всей красе, срывая баррикады. А я и забыла, что у Стерегова с этим беда. Мне так осточертело кого-то спасать! Я потратила все силы на Тахира и его семью, а теперь с упоением дергаю чеку гранаты, которую мне вдруг вручили в руки. Я дернула посильней:

– А я? Что я успею между сменой твоих настроений?

– Собраться и направиться к выходу! – рывкнул он так, что могло показаться, что я доигралась. Но самообладание Стерегову не отказало. Он развернулся и вышел из ванной: – У тебя семь минут!

Что будет через семь минут, я не стала выяснять. Наде- ла куртку и, застегнув молнию под горло, вышла из спальни. Кеды нашлись внизу у лестницы. В гостиной уже никого не было, и я позволила себе осмотреть место, где висела картина. Ее на стене не было, но и следа от пламени – тоже. Понятия не имела, что это могло быть за колдовство... Проще всего сотворить такое было бы мне. В картине слишком много «меня» – прикосновения, мысли, энергия. Даже спустя годы она хранила концентрацию моих эмоций. Но я этого не делала. Стерегов не мог ввиду очевидных причин – он был со мной. Да и зачем ему?

Судя по его друзьям-ведьмакам, в дом так просто ничего не протащить. Не думаю, что у Хана остались щели, в которые можно просунуть столь убийственное заклинание. Поэтому, думать здесь было можно лишь на тех, кто допущен

к Стерегову лично. А круг небольшой. Стриженный? Слишком очевидно, он бы не стал так подставляться. Не дурак же. Раз он в компании Стерегова, то точно не идиот. Остаются трое – Иса, Хан... и снова я. Но я с ошейником, Иса – настоящий друг...

– Это не я, – послышалось рядом, и я дернулась, отскочив к стенке.

Хан стоял рядом, смущенно наблюдая за произведенным эффектом. Но успокаивать меня не спешил.

– И не я, – посмотрела на него исподлобья. – Вы же сами надевали ошейник.

Но что-то его будто не устроило. А ошейник внезапно потеплел и продолжил стремительно набирать температуру. Я раскрыла широко глаза, задержав дыхание, Хан же смотрел безжалостно и непреклонно, продолжая пытаться. Когда из горла вырвался сиплый стон, меня вдруг что-то отгородило от ведьмака, и я закашлялась, хватаясь мокрыми ладонями за горло.

– Что ты делаешь?! – прорычал угрожающе Стерегов.

– Я должен быть уверен... – начал было сурово Хан.

– Убирайся! Мне не нужна больше твоя помощь!

– Михаил...

– Уходи!

– Прости, что позволил себе это, – повысил голос Хан, – но никто больше не мог!

– Значит, тем более не нужно быть со мной рядом! – рявк-

нул Стерегов. – А то вдруг она сможет что-то еще!

Стерегов обернулся, подхватил меня под руку и поставил на ноги. Его тяжелый взгляд прошелся по моему лицу и спустился на горло. Я задышала чаще и судорожно втянула воздух, пытаясь сдержать прорвавшиеся слезы.

– Тебе больно? – потребовал он сурово. Я мотнула головой. Мне было страшно. До того момента, как Стерегов закрыл собой. – Пошли.

И он взял меня за руку и повел из дома.

– Мы в больницу? – сипло спросила я.

– Тебе плохо? – насторожился он. – Я же спрашивал тебя!..

– Мне не плохо! Ты сам говорил, что записал к врачу! – выпалила я и закашлялась.

Стерегов вывел меня на воздух и, поднеся к уху мобильник, потребовал воды.

– А ты хочешь сегодня? – сощурился, опустив трубку.

– Нет, – мотнула я головой.

На улице было сыро, но воздух пах очень вкусно. Территория дома утопала в зелени с ее идеальными газонами и гляncем вечнозеленой палитры, блестящей от воды. Лишь немногие кусты и деревья поменяли цвета на осенние, разнообразив цветовую гамму, но большинство так и застыло в лете.

Я задержалась на веранде, делая глубокий вдох. Здесь показалась гораздо уютней. В одном ее конце находилась уют-

ная зона с диванами и очагом. Теплые пледы, цветные подушки и желтые лампочки казались вообще чем-то чужеродным. Но я вспомнила друзей Стерегова и подумала, что Иса сюда вписался бы отлично.

– Ринка, – притянул к себе Михаил, и я моргнула, с удивлением обнаруживая себя в его руках. Запоздалый мороз прошел по коже. А Стерегов пристально всмотрелся в мое лицо: – Он тебе больно сделал?

Я кивнула.

– Он очень дорожит тобой, что... даже... – блеяла я.

– Я сам буду решать, кто и чем тут будет дорожить. – И он протянул мне стакан воды.

– Ну конечно, – прошептала я и принялась жадно пить.

– Тебя здесь никто больше не тронет, – с нажимом пообещал он. – Этого не должно было случиться.

– Да попроси ты, мать твою, прощения, и поехали уже хоть куда-нибудь! – вспылила я, топнув.

– Смысл?.. – начал было недовольно он, но я перебила:

– А ты попробуй!

Он вздернул бровь и неожиданно покладисто кивнул:

– Прости. Прости, что доверял другу и не допустил мысли...

– Тебе повезло, что ты доверял.

– Еще раз перебьешь меня... – опустил он голову, устранив взглядом.

– И что? – сложила я руки на груди.

Стерегов усмехнулся... и неожиданно запустил мне лапы под куртку, легко пробравшись под футболкой до голой груди. Я взвизгнула и попыталась вывернуться, но он лишь удобнее прижал меня к себе спиной и пустился в бесстыдную ласку. Кожу на шее согрел поцелуем, но его следы тут же слизал прохладный ветер, пустив по коже волну мурашек. Соски затвердели, остро реагируя на бесстыдные прикосновения.

– Да пусти ты! – злилась я.

Но ни укусить, ни ударить не выходило. Я только хватала ртом воздух, отчего грудь металась туда-сюда, усиливая ощущения.

– Ну не убивать же тебя за дерзость, – усмехнулся Михаил мне в затылок.

– Представляю, как тяжело тебе это дается, – сопела я недовольно, всем видом демонстрируя неприязнь. – Я уже поняла, что ты можешь везде.

– Ты снова все поняла неправильно, – выпустил он меня и забрал стакан, – но это уже не удивляет.

Я зло одернула куртку, проследив, как он спускается со ступеней, и направилась следом. Кожа все еще горела под футболкой, и это чувство хотелось стереть! В груди аж пекло от обиды.

– А Марину ты тоже так хватал? – потребовала я, усаживаясь на переднее сиденье машины в открытые для меня двери.

– Я не знал, – склонился Стерегов ко мне, довольно усме-

хаясь, – что облапать тебя вот так принесет столько удовольствия. Даже то, как ты ревнуешь, не так нравится.

И он аккуратно закрыл дверь, оставляя меня ненадолго негодующе сопеть в тишине. Успокоиться времени не хватило.

Стерегов вывел машину за ворота и направил по узкой улочке, а я принялась рассматривать дома. Понять, нравится ли мне здесь, было непросто. Я разучилась спрашивать себя о том, что мне нравится.

Помнила, что работа доставляла самое большое удовольствие. А еще нравилось, что мужчины задерживали на мне взгляды. Они считали меня привлекательной, пялились на ноги и нередко терялись, глядя в глаза. Но никто не пытался знакомиться.

Однажды я набралась смелости и спросила об этом мужчину, который показался привлекательным. Он не упускал возможности остановить на мне взгляд, когда я проходила по коридору, но, как и все, даже не пробовал познакомиться. Мужчина тогда растерялся от вопроса, но, подумав, уверенно заявил, что такая женщина просто не может быть одинокой. «Даже вслед вам страшно смотреть. Кажется, что уже за это пристрелят по-тихому», – сказал он, смущенно улыбаясь. Я тогда глупо улыбнулась в ответ и пошла дальше, мысленно поставив мужику диагноз. Но тот мужик будто не ошибся.

Я ни с кем не делилась этим, только с психологом. Но он – не друг, душевной пустоты не заполнит.

– Нравится?

Я моргнула, возвращаясь в реальность.

– Не знаю, – прерывисто вздохнула и тревожно глянула на Михаила.

Он хмуро покачал головой.

– Что ты любишь, Ринка? Начни с чего-то...

И мне стало жизненно важно ответить правильно, будто пришла сдавать Стерегову экзамен за десять лет жизни.

– Люблю пиццу «Маргарита», горячую ванную с солью и розовым маслом и рисовать акриловыми красками на морских камушках...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.